

Сергей Никитин о себе

Уроки музыки.

(слева
направо)
Клара, мама, я
и Мила у
нашего дома
на фоне
Крымского
моста

Моя старшая сестра Клара училась в инъязе – теперь это лингвистический Университет имени Мориса Тореза. Ее сокурсники были интересные красивые люди. Многих из них я до сих пор помню. Один из них кавказский красавец, похожий на Булата Окуджаву, Юра Севиев, играл на семиструнной гитаре. И как сейчас вижу, он пел на стихи Есенина «Я по тебе соскучилась, Сережа», с народной музыкой, это было одно из моих некоторых потрясений, связанных с гитарой.

Музыкальное приобщение началось еще в детстве. Обе мои сестры обучались на фортепиано дома. У нас был трофейное немецкое пианино с бронзовыми подсвечниками 1915 года – серьезный инструмент в хорошем состоянии. Началось со старшей сестры, потом пришло время средней. Когда были уроки Клары, я маленький сидел под столом в той же комнате, играл в кубики и пел автоматически за ней все пьесы, которые я сразу запоминал. Когда она запинаялась, я тоже замолкал. Учитель тогда обратил внимание на меня, но, помня муки старших сестер, в то короткое время, когда я мог начать заниматься, я не захотел этого. А позже и не было никаких материальных возможностей. Да я уже живописью увлекся.

Но наступил-таки момент, когда я взял в руки гитару и стал что-то подбирать на гитаре и фортепиано. Это было увлекательнейшим процессом – я мог подойти к пианино и сам что-то наиграть. Поначалу я подбирал только мелодию правой рукой, потом подбирал аккорды левой, но соединить вместе две руки никак не получалось. И вот однажды к нам пришел сокурсник Милочки Толя Мухин (его имя я запомнил на всю жизнь) и показал мне, как играть двумя руками, одну из советских песен. Это было настоящим переворотом для меня: я могу уже двумя руками играть! Это вызвало во мне просто взрыв, я не отходил от пианино целыми днями. Каким-то образом я продолжал учиться в школе, но это было все на заднем плане. Я обрел некую свободу, стал подбирать все подряд, в том

числе фрагменты из классики. У нас был проигрыватель и несколько пластинок на 78 оборотов, потом появились долгоиграющие на 33 оборота. Я очень любил Рахманинова, его 2-й концерт, 1-й концерт Чайковского в исполнении Э.Гилельса. Я до сих пор без слез не могу слушать музыку Рахманинова.

Появилось жгучее желание понять, как же это все устроено? Я стал подбирать все подряд. Меня особенно интересовала гармония. По сравнению с гармониями песен Окуджавы и Городницкого, которые я подбирал достаточно легко, найти гармонию Рахманинова было трудно, но это было как наваждение. Желание было таким жгучим, что пока я не находил точное обращение аккорда, я успокоиться не мог. Например, во вступлении к арии Лизы из «Пиковой дамы» можно, только найдя точное воспроизведение гармонии, как у Чайковского, воспроизвести те же чувства и настроение. И эта игра превратилась для меня в постоянное занятие, в постоянную учебу. Это был мой способ постижения музыки и гармонии.

В 10 классе я начал играть на танцах, на школьных вечерах – это уже была профессиональная халтура, я играл в компании с профессиональными московскими музыкантами. Например, приходилось выступать со студентом физфака из МГУ Алексеем Зубовым, который тогда был известным музыкантом. Он играл на саксофоне, на флейте. Для концертов надо было осваивать знаменитые джазовые стандарты 40-50-х годов, свинг. Это была замечательная школа в плане гармоний, потому что гармонии там очень развитые, и они подчинялись логическим стандартным гармоническим ходам, которые берут свое происхождение от классической музыки 19 века: того же Рахманинова, Чайковского. Для того, чтобы играть на танцах, надо было знать, по крайней мере, 5 десятков стандартных тем с гармониями. И уже в это время у меня формировалось чувство гармонической функции связанное со стандартными понятиями – тоника, доминанта, субдоминанта, параллельный мажор, двойная доминанта. Так называемый малый джентльменский набор, который должен не только знать, но чувствовать любой музыкант, играющий в команде джазовые стандарты. И когда появлялись в каких-то вещах гармонические отклонения от этого «малого джентльменского набора», и ты не понимал, как это сделано, надо было немедленно изучить и понять их. И я понял, что именно отклонение от ожидаемой дорожки и создает чувство свежести и новизны. И в последствии уже я стал пользоваться этим при сочинении.

Еще я понял, что даже при достаточно простой гармонической структуре песни, романса, очень важно точное гармоническое обращение. Подчас в песне или романсе, где содержатся 3 или 5 обычных стандартных аккорда, точное расположение баса и остальных нот может заставить гармонию звучать свежо и индивидуально. Вот это меня всегда волновало, волнует и сегодня.